

ФЕЛИКС ШВЕДОВСКИЙ
ПО МИРУ С БАРАБАНОМ
ДНЕВНИК БУДДИЙСКОГО МОНАХА
Серия «Где наши не пропадали»

16+

«Я не спешил становиться верующим, а воспринимал буддизм скорее как исследователь-психолог. Позже я узнал, что сам Будда советовал именно так относиться ко всем его словам: “Ничего не берите на веру, все проверяйте на собственном опыте...”. Как бы то ни было, 8 января 1994 года я побрил голову и стал монахом ордена Ниппондзан Мёходзи. Через полгода пришло время ехать в Японию. Сэнсэй решил, что в Японию мы поедем через Китай». Потом были Индия и Непал, потом опять Китай и Япония. Пять лет странствий в желтом одеянии и с барабаном в руках. И пять томов дневников — они перед вами.

СЕРИЯ:
ГДЕ НАШИ
НЕ ПРОПАДАЛИ

ПО МИРУ
С БАРАБАНОМ

Борис Минаев

ТРОПИНКА

«Дневник буддийского монаха» москвича Феликса Шведовского — очень важная книга для понимания современной жизни, современной культуры, современного человека — как мне кажется.

Почему я так думаю?

С автором «Дневника» познакомился я довольно давно, в конце 80-х. Шла перестройка, но советские социальные механизмы были вполне еще жизнеспособны.

С мальчиком-десятиклассником случилась такая беда — он создал и вывесил стенгазету (ну то есть буквально на стене), где открыто признал существование божественного начала, рассказал о том, что ищет свой путь в религию, а одноклассников обвинил в бездуховности, в материализме (хорошо, что не в диалектическом!) — словом, пошел на поводу у «чуждых нам взглядов».

Мальчика решили исключать из комсомола. А что еще было с ним делать? Путь в институт оказывался, таким образом, для него закрыт.

Можно было бы, в принципе, жить дальше и без института. Но тут письмо его родителей нашло корреспондента «Комсомольской правды», то есть меня. И позвало в дорогу. Надо сказать, не в очень длинную — жила семья Шведовских на соседней от редакции улице. Я перешел Бутырский вал и оказался у них на кухне. Открыл блокнот и начал записывать (журналисты работали тогда именно так).

Если бы дело происходило не в 1988 году, а раньше, то вариантов бы не было никаких. Но уже в том году, при всех этих пленумах и съездах партии, при торжестве развитого социализма, при ритуальном почтении к «заветам Октября», при всей этой торжественной белиберде — и мне, и моей редакции, и его учителям, и родителям, и вообще всем было ясно: наказывать парня не за что. Ну, ищет и ищет свой собственный «смысл жизни». Может, найдет.

Что плохого?

Однако история на этом не кончилась. Цена, которую Феликсу Шведовскому пришлось заплатить за свой тогдашний (16-летний) идеализм, за поиск мирового духа, или божественного начала, или как там еще — короче, за свои убеждения, за свои принципы, за свою асоциальность и даже непримиримость по отношению к стандартам советского общества — оказалась совсем другой.

Гораздо большей, весомой. Гораздо более серьезной, чем институт или карьера.

Ценой оказалась вся его жизнь. Целиком.

Нет, по советским меркам тогдашнего СССР, а потом и России, все было почти «тип-топ». Характеристику ему дали, в институт он поступил, отучился, стал даже работать в журнале «Крокодил», потом женился...

Но чем дальше, тем больше он понимал, что жить так, по этой незатейливой общей мерке, не может. Что должен найти свой, только свой путь.

И нашел.

Как нашел — об этом он рассказывает в книге, подробно.

А здесь, в предисловии, я хочу сказать о другом. Точно так же, как Феликс, свой путь искали в те годы, в начале 90-х (и конце 80-х) многие ребята. Принято считать эти годы мрачными, страшными. Да, было всякое. Много печального было. Но было и другое, о чем не говорят и не пишут — а именно, громадный ментальный сдвиг. Вулканическое извержение смыслов.

Люди прорывались к чему-то новому, сами строили себя, свою жизнь, сами открывали абсолютно новые для советского человека горизонты.

...Теперь это все стало в каком-то смысле обыденной вещью. Ну, пусть не такой уж частой, не массовой, но абсолютно нормальной, живой, текущей реальностью. Почитайте социальные сети, вы сами все поймете.

Поиск духовного учителя, все эти «практики» и «семинары», йога, буддизм, даосизм, да что угодно — пиши, записывайся, приезжай...

Хочешь в Ковров, хочешь в Стокгольм. Границы открыты, запретов (пока) никаких нет.

Но тогда, в Москве, в 1993-м, первая буддийская община, ютившаяся в типовой московской квартирке, в окраинной пятиэтажке, где люди питались только хлебом и водой, рядились в желтые хитоны, били в барабаны, молились на чуждом языке — была опасным делом.

За которое и посадить могли.

И уж тем более — когда вся эта община, почти в полном составе, отправилась на «марш мира» в воюющую Чечню.

...Теперь поехать в Индию, в Китай, Японию, в Среднюю Азию — пройти пешком по горным дорогам, ночевать под открытым небом в пустыне, то ли у пастухов, то ли у бандитов, прикоснуться к тайнам мира, святыням других религий — господи, так «многие делают».

Стать из нормального журналиста паломником, отшельником, монахом, обратиться в иную веру, в иную ипостась, раскрыться для новой жизни, уехать, приехать, забыть о прежней жизни, о деньгах, о «нормальном», поменять все — уже не сенсация, а «дауншифтинг» (главное, найти слово).

Но Феликс был одним из первых, кто все это попробовал на себе.

В своей книге он описывает как раз именно эти путешествия — в Китай, Индию, Среднюю Азию, Японию, Чечню. Но это не записки путешественника, а именно записки монаха.

Чем монах отличается от обычного человека, искателя приключений или даже духовного искателя?

Смирением.

Монах уже все нашел. Он ничего не знает, но он знает главное.

Он не боится.

Именно такой путь проделал Феликс Шведовский. Кандидат исторических наук, переводчик древних буддийских сутр, правозащитник, человек с удивительной речью — медленно выбирающий слова, как будто идущий по тропинке высоко вверх.

Я, кстати, так и не прочел тогда (когда писал свою статью в «Комсомолке») ту самую его злополучную стенгазету. Ее конфисковали учителя.

Спустя четверть века она все-таки дошла до меня, вот в таком виде — в виде его рукописи.

Стенгазета длиною в жизнь.

ДНЕВНИК БУДДИЙСКОГО МОНАХА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Орден Ниппондзан Мёходзи, монахом которого является автор, возник на территории Манчжурии благодаря японскому монаху — преподобному Нитидацу Фудзии, жившему в 1885—1985 годах. Орден был основан немногим позже Октябрьской социалистической революции, вылившейся в многолетнюю войну всех против всех внутри и вне России. Монахи Ниппондзан Мёходзи известны как одни из организаторов пацифистского движения, объединяющего людей самых разных национальностей и религий в «борьбе за мир». Это понятие, как и понятие миротворчества, имеет свой изначальный, евангельский контекст, в котором «блаженны миротворцы». Лишь в XX веке смысл этих слов был дискредитирован сначала советской пропагандой, а потом и международными СМИ, когда «борцы за мир» въезжали на танках в Венгрию, Чехословакию и Афганистан, а вооруженные «миротворцы» стали носить голубые каски с надписью «ООН». Но монахи ордена Ниппондзан Мёходзи верят, что миротворчество как безоружное, ненасильственное движение за мир — это сейчас главный способ практиковать истинное Учение Будды. Они считают себя также учениками великого индийского святого XX века — Махатмы Ганди, с которым был близок Фудзии-гурудзи^Ш, как стали называть Нитидацу Фудзии в Индии, где он вместе с Ганди боролся за бескровное освобождение этой страны от Британской империи.

Что такое буддизм? Каковы его исторические корни и нынешние цели? Какую линию буддийской преемственности наследует орден Ниппондзан Мёходзи? Вот в чем пытался разобраться молодой журналист, который, задавая эти и многие другие вопросы, неожиданно для себя принял буддийский постриг у непосредственного ученика Нитидацу Фудзии — японского монаха по имени Дзюнсэй Тэрасава, а в России, где он прожил долгое время, — просто Сэнсэй, или Учитель. Его ученики в 90-х годах совершили вместе с ним несколько путешествий — в Китай, Японию, Индию и Непал.

Записки, сделанные в тех странствиях, и есть «Дневник буддийского монаха», главный сюжет которого — духовный поиск юноши из московской преподавательской семьи, воспитанного в СССР и ищущего свое место в постсоветской действительности. Хотя теперь я смотрю на него несколько отстраненно, все же он — это по-прежнему я сам.

**ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ ВЫПРЫГИВАЕТ ОДИН ИЗ
СТА**

моя предыстория

Я стал монахом буддийского ордена вскоре после того, как в 1993 году двадцатилетним мальчишкой закончил факультет журналистики МГУ, успев поработать сотрудником экологической газеты «Спасение» и юмористического журнала «Крокодил».

Карьера складывалась неплохо, даже, можно сказать, удачно. Казалось бы, чего еще хотеть. Но уже с последних классов школы идет вторая, параллельная линия моей судьбы. Началось с листовки, которую я написал от руки печатными буквами и вывесил в школе в 1987 году. Это был протест против материализма и «да здравствует» Духу, определяющему бытие, и фантазерам, которые выше «рабов логики». Протест не метафизически тихий, а общественно громкий.

По случаю такого неслыханного в истории нашей советской спецшколы № 20 события было устроено собрание всех старшекласников. Я стоял перед полным актовым залом и проповедовал свою веру. Призывал учиться не у взрослых, а у детей, ибо на самом деле они — наши отцы; ведь наших предков можно назвать «молодым человечеством», а значит, кто моложе, тот и старше. Увлеченный этим парадоксом, опровергавшим всякую логику и, тем не менее, совершенно несомненным, я интуитивно выразил глубочайшую суть всего Учения Будды, тогда еще ничего не зная о нем и даже не интересуясь им. Эта суть заключена в словах 15-й главы буддийского писания — Лотосовой сутры: «Отец — мал, дети — стары». Но мне еще предстоял долгий путь, прежде чем я встретил Лотосовую сутру...

В школе тогда, хоть и отчитали, и «разобрали» по-комсомольски, но в целом отнеслись по-человечески: все-таки уже началась перестройка. К тому же очень помогла поддержка преподавателя биологии — Григория Наумовича Штеренго, оказавшегося втайне религиозным человеком. Он не скрывал, что практикует йогу, которая в Советском Союзе не считалась крамоллой, покуда оставалась видом физической гимнастики, но нам на уроках он очень осторожно, в завуалированном виде, рассказывал также о ее духовных аспектах. Так, неназванное, передалось мне Учение.

Следующей весной, в выпускном уже классе, я снова взорвался, на сей раз целой стенгазетой, которую мне доверили в качестве комсомольского поручения, после годового испытательного срока, выдержанного мной безо всяких «высовываний». Теперь уже у меня наболело от

долгого молчания и еще более пробужденного наблюдения за школьной, да и в целом за общественной жизнью. Стенгазета вышла злая, особенно передовица, озаглавленная «Ненавижу». От веры, от чистого, мечтательного мальчика там почти ничего не осталось, больше было «антисоветчины», но, призванный комсомольской организацией школы к ответу и принужденный выйти из комсомола, я все же в качестве главной причины назвал веру в Бога, тогда — в Христа. И какое-то время я считал себя христианином, хотя крещения так и не принял. Просто я полагал, что каждый народ дает Духу свое имя на своем языке — а значит, это всего лишь по-русски Он называется Бог Христос.

Библия, Блаженный Августин, о. Павел Флоренский, о. Владимир Соловьев — до них я буквально дорвался в Фундаментальной библиотеке МГУ, когда поступил-таки на журфак (времена-то были перестроечные, и история с комсомолом не помешала мне, нашлись заступники среди демократически настроенных «старших товарищей»). И вместе с тем я начал читать книги о восточных религиях. Особенно понравились мне китайские даосы: мысли их, выраженные намного проще и яснее, были очень глубоки. Моя голова ломалась на богословских построениях христиан, даосы же подтверждали ту мудрость, что «все гениальное просто».

И вот наконец я наткнулся на упоминание о том, что даос Чжуан-цзы многое взял от буддизма. И впервые мне очень захотелось узнать, что такое этот буддизм. Милый моему сердцу Чжуан-цзы потом померкнет и забудется на фоне Учения Будды, но я так же благодарен ему, как и учителю биологии...

Изучая христианство, я находил себя все больше и больше задетым тем, что «обидели грешников». Как же так — муки на веки вечные?! Да что же это за Бог такой мстительный?! Помню, как пропустил лекцию на первом курсе: вышел на перемене во двор на Моховой, сел на скамейку возле памятника Ломоносову, а рядом — женщина, наверное, помешанная, стала хватать меня за руки. Не пуская от себя целый час, она путано рассказала мне горькую историю своей жизни и вдруг спросила: «Ну скажите, скажите, я попаду в ад?». А я с неожиданной для себя самой твердостью ответил: «Все попадут в рай».

И с тех пор это стало моим убеждением. Позже я узнал, что и в христианстве есть подобное ответвление, но тогда

показалось: через Христа не все Дух сказал людям, только часть правды. А что же Будда? Он говорил, что ад не вечен, что ада вовсе не существует, он только порождение нашего сознания. Будда говорил как раз то, что я ответил тогда помешанной женщине, только Просветленный в Лotosовой сутре употреблял другие слова: «Все станут буддами». И хоть не русское, стало мне это Его (безымянного Духа) имя (Будда) ближе всех других. К концу первого курса я начал узнавать о буддизме не только по книгам — я стал искать верующих этой религии.

Обида за грешников привела меня также к Фрейд и Ницше. Они не верили в Бога, как показалось мне, потому, что не верили в исконность зла. Зло — репрессированное добро. Посему инстинкт невинен, а греховным становится тогда, когда его начинают подавлять, вытеснять в подсознание. Об этом лучше всего написал психолог Карл Густав Юнг, как раз отстаивавший превосходство восточных религий, с их идеей страдания, над западными — с их идеей первородного греха.

Вот так и пошли бок о бок эти два моих интереса — к психологии и к буддизму. Оставив веру в христианского Бога, я не спешил становиться верующим, а воспринимал буддизм скорее как исследователь-психолог. Позже я узнал, что сам Будда советовал именно так относиться ко всем его словам: «Ничего не берите на веру, все проверяйте на собственном опыте», — гласит Дхаммапада, сборник изречений Будды.

Вскоре я оказался в особняке Центрального управления буддистов (ЦДУБ) СССР на улице Остоженка, а потом и познакомился с нелегальной еще тогда, в 1989 году, буддийской общиной, оказавшейся впоследствии первой из зарегистрированных в Москве (кстати, я принял участие в ее регистрации и могу считаться одним из первых официальных буддистов столицы). Собиралась община то в ЦДУБ, то в каких-то подвалах, встречались иногда с монахами, приезжавшими в основном из восточного зарубежья на очень короткий срок.

Были и учителя с Запада. Помню, в одном подвале набралось особенно много народу — на очень популярного ныне учителя школы Карма-кагью, норвежца Оле Нидала, который рассказывал о том, как у практикующего его систему образуется в макушке дырочка, через которую можно выпрыгнуть из круговорота суетного бытия — сансары. Наверное, я излагаю его учение искаженно, но так я это понял, и когда в тот вечер лидер нашей общины Анатолий

Подругин (говорят, он уже давно эмигрировал во Францию) неожиданно предложил мне принять посвящение в ученики Оле Нидала, я потихоньку, пока к нему выстраивалась очередь жаждущих посвятиться, по стеночке выкрался из того подвала.

Тем не менее со мной продолжали общаться и всюду приглашать. От меня ничего особенного не требовали, никакой веры. Оставаясь спокойным наблюдателем, я находил в Учении Будды все больше положительных сторон, толкуя его не столько как религию, сколько как систему совершенствования человеческой психики, то есть как психологию, гораздо более древнюю, чем у Фрейда или Юнга.

А потом я понял, что психология — это наука, которую невозможно изучить только по книгам. Необходим эксперимент. Но, проводя его на других, можно увидеть не больше, чем на входе и выходе, сама же душа экспериментируемого по-прежнему остается «черным ящиком». Поэтому истинный психологический эксперимент возможен только над самим собой. Надо попробовать следовать Учению Будды и посмотреть, что выйдет из этого. Так противоречие между наукой и религией оказалось для меня снятым.

А дальше начались странные вещи. Поскольку Будда учит, что вся жизнь — Учение, а все люди — учителя, то вот я и решил поучиться у самой жизни — обыкновенной, бытовой. Забросил общину и книги, которые мне там давали, и завел семью.

Однако летом 1990 года, незадолго до того, как произошел этот поворот в моей жизни, я успел мимолетно встретиться с моим будущим Учителем. Случилось это так.

Подругин пригласил нас с моим другом-однокурсником Ярославом Петровым в Рахманиновский зал Московской консерватории на концерт японского традиционного ансамбля «Но». Мы пришли пораньше и встретили Подругина на улице, перед входом в консерваторию. Анатолий разговаривал с человеком в ярко-желтом монашеском одеянии. Больше всего меня поразил смех этого монаха. Делал он это необычно, как-то слишком откровенно. Во всем общении, которое давала мне до сих пор община, было много постности и, я бы сказал, наигранности. Ламы, приезжавшие из Бурятии и Монголии, были какие-то суровые, а единственного улыбчивого — Оле Нидала — я испугался. Поэтому к тому времени я уже почти перестал

контактировать с общиной. Этот же монах показался мне первым естественным буддистом. И даже больше, чем просто естественным. Когда он смеялся, я чувствовал что-то вроде родственной связи с ним. Ощущение длилось всего один миг...

Музыка ансамбля «Но», состоявшего из флейт и маленьких ручных барабанов, оказалась очень необычной. Она сопровождалась пением, больше похожим на крики зверей, резкие, но действовавшие неожиданно усыпляюще, гипнотически. После концерта состоялся фуршет. Слушатели общались с музыкантами. Собралось слишком много народу, все они обступили того монаха (оказывается, он и организовал выступление ансамбля «Но»), и мы с другом почувствовали себя здесь случайными людьми. Ярослав потянул меня к выходу. Но прежде чем выйти, он поклонился неизвестно кому, а может быть и всем, по-буддийски сложив ладони перед собой. Ей-богу, необъяснимо, почему он это сделал. Хоть община наша и считала себя буддийской, мы друг друга никогда не приветствовали так. А может быть, Ярослав поклонился тому монаху?.. Но через несколько секунд стало совершенно ясно — монах заметил его жест. Когда мы были уже на лестнице, он нагнал нас и крикнул сверху на ломаном русском: «Спасибо!». Это поразило меня. Он бежал через весь зал, только чтобы сказать нам это единственное слово...

Через три года я снова встретился с ним и узнал, что его зовут Дзюнсэй Тэрасава, он известный во всем мире буддийский учитель. А чуть позже понял, что у нас с ним глубокая кармическая (с прошлых жизней идущая) связь. И стал его учеником.

Как произошла эта вторая встреча? Что толкнуло меня на монашеский путь? Ведь на три года я погрузился в семейную жизнь. Купался в счастье с молодой женой, мы растили малыша. И в то же время глубоко внутри я много переживал и страдал. Да и не только я — все, кто были вокруг, вечно испытывали какую-то неудовлетворенность. Напомню, ведь погружение в мирское было для меня психологическим экспериментом. Я пробовал мирскую жизнь, смотрел на результаты — и не видел их. Не находил ни духовной глубины, ни даже просто душевного, психического спокойствия. Ведь суть мирской жизни — в утомительной добыче средств к существованию и в бессмысленных развлечениях, в которых надеешься отдохнуть, однако они делают тебя бесконтрольным — и ты снова страдаешь,

обижая других и обижаясь сам. Это утомляет еще больше. От накопившегося утомления наступает смерть. Такова суть мирского бытия. Негде почерпнуть настоящую, не сиюминутную радость. Некогда глубоко задуматься! А мне очень хотелось задуматься...

Однако для истинно глубоких мыслей необходимо пожертвовать тем, чем красна мирская жизнь. Глубоко задуматься — это как забастовка. Но для забастовки нужны решимость, воодушевление. Одному не справиться. Нужен учитель. Хотя бы на первых порах, чтобы было кому воодушевить тебя на то, что ты сам давно хочешь сделать, но не хватает смелости.

Я понял это спустя три года после ухода из буддийской общины. За это время понятие «учитель» трансформировалось в моем сознании. Я читал много книг о духовном совершенствовании, таких авторов, например, как Гурджиев и Калинаускас, и понял, что духовный учитель надрелигиозен, его можно найти в любой вере и в любой сфере жизни. Однако искать учителя в каких-то новых сферах я решил в последнюю очередь. А для начала открыл заброшенную в дальний угол старую записную книжку с телефоном Юры Кондюкова — парня, с которым мы беседовали в приемной ЦДУБа, когда я впервые пришел туда. Мне не хотелось возвращаться к тем странным отношениям, на которых я расстался с общиной, и поэтому я решил позвонить именно Юре — человеку, с которым мы после той единственной встречи ни разу не пересекались — только вот телефон остался.

Юра, как ни странно, сразу вспомнил меня и посоветовал в качестве учителя Дзюнся Тэрасаву, «если есть такая потребность». Я еще не знал, что так зовут уже виденного мной однажды японского монаха. На тот момент он уже в течение двух лет часто приезжал в Москву, у него появился широкий круг знакомых и даже первые ученики-монахи из бывшего СССР, и Юра обещал сообщить мне, где я смогу встретиться с Тэрасавой в следующий его приезд. С Юрой Кондюковым после этого мы никогда не общались, но я бесконечно благодарен ему за то, что он свел меня с Учителем. Таких людей Будда называет «добрые знакомые».

Наша встреча с Сэнсэем произошла в апреле 1993 года в гостинице «Свиблово» на северо-востоке Москвы. Он только что приехал из Индии. Я постучался в номер. Дверь открыл смиренный молодой человек с бритой головой. Из номера донесся запах благовоний. Парень поклонился мне, сложив

ладони в буддийском приветствии. Я неловко ответил ему тем же. Внутри обычного советского номера на кровати сидел, скрестив ноги, японец с такой же бритой головой и грыз огурец. Как и его русский помощник, он был не в монашеской одежде, и поэтому я не сразу признал его, хотя смутно почувствовал, что где-то мы с ним уже виделись.

Разговор наш был совсем коротким. Тэрасава продолжал свой нехитрый завтрак и на английском языке отвечал на мои вопросы, а его помощник, представившийся как Сергей Коростелев из Донецка, переводил.

Я спросил:

— Как мне стать господином самого себя?

Выражение «господин самого себя» я вычитал у Георгия Гурджиева.

Тэрасава ответил:

— Для этого нужно стать царем вселенной.

— Что нужно для этого?

— Спасти весь мир.

— Но как?

Тут возникла сложность с переводом. Тэрасава несколько раз переспросил Сергея, потом сказал два слова по-русски:

— Стремление. Сострадание.

И добавил:

— Ко мне приходит много людей получить информацию. Но я не даю информацию. Я учу. Поэтому из ста человек остается один.

Мне сразу захотелось стать этим одним из ста... Но я, конечно, промолчал. Только спросил, не виделись ли мы где-то раньше. Тут-то и выяснилось, что японец, грызущий огурец, и монах, смеявшийся во дворе консерватории, это один и тот же человек. Мы посмеялись теперь уже вместе. Сергей записал мой телефон и обещал пригласить на медитацию, когда они снимут в Москве квартиру.

А потом Тэрасава попрощался со мной, сложив ладони на груди, я повторил этот жест и пошел к выходу, как-то пятясь, боясь повернуться непочтительно спиной к Учителю, и, помню, смешно ударился о стоявший у выхода холодильник.

Через две недели, к моей радости, Сергей позвонил, дал номер телефона и просил перезвонить, чтобы уточнить, когда состоится медитация. Забавно, я ошибся в одной цифре, набирая номер, и попал... в бордель. Мне ответил женский голос.

— Когда можно встретиться? — спрашиваю.

— А вам в апартаментах или с выездом?

Я тогда ничего про это не знал, но чутье подсказало, что не стоит продолжать разговор...

Это было как одно из первых испытаний Будды, когда он воссел под дерево, чтобы обрести Просветление. Дух зла — Мара прислал к нему тогда своих соблазнительных дочерей...

Наконец я оказался в квартире панельной многоэтажки на улице Ротерта, неподалеку от пересечения Ярославского шоссе с Московской кольцевой автодорогой, то есть на самой окраине Москвы, все на том же северо-востоке, что и гостиница «Свиблово». Северо-восток, как я потом узнал, считается «воротами Мары», и поэтому издревле буддийские монастыри строились именно в этой части поселений. Кстати, теперь, через двадцать лет, прямо возле того дома, где Тэрасава-сэнсэй снимал квартиру, вьетнамцы возвели буддийскую пагоду перед построенным ими торговым центром «Ханой — Москва».

Вместе со мной на церемонию пришел и Ярослав, три года назад поклонившийся Сэнсэю в консерватории. Вообще рядом с Учителем тогда было немало людей искусства (как потом оказалось, он и сам неплохо играет на фортепьяно). Так мы познакомились на той церемонии с артистом балета Романом и его женой Светой. Роман посоветовал нам с Ярославом плавнее опускаться на колени, совершая поклон, а то мы бухались так, что пол сотрясаяся.

Медитация, или церемония, была самой первой на этой квартире, или Месте Пути^[2] — Учитель называл ее прямо так, русскими словами. Мы вошли в тот самый момент, когда Сэнсэй забивал в стену последний гвоздь, на который повесил развернутый свиток с иероглифами.

Началась церемония. На покрытом красивой тканью алтаре стояли статуи будд и бодхисаттв^[3], а также портрет преподобного Нитидацу Фудзии — учителя Сэнсэя. Я тогда ничего этого не знал и сосредоточился лишь на том, чтобы повторять все движения за монахами. После трех поклонов со вставанием и припаданием к полу все начали петь непонятную мантру под барабан, в который ударял Дзюнсэй Тэрасава. Поза, в которой они сидели, на пятках, поджав под себя ноги, была очень неудобной, и я вскоре поменял ее, скрестив ноги, но поклялся себе научиться сидеть так же долго, как и монахи. Каждый жест, каждую деталь я воспринимал как неотъемлемый ингредиент того лекарства, которое Учитель дает мне, чтобы я научился «быть господином самого себя»...

И все же я был ужасно невнимательным. Перед следующей церемонией я пару раз заметил в центре Москвы, неподалеку от факультета журналистики, молодых людей в желтых одеяниях, бивших в барабаны, и не понял, что одеяния и барабаны были точно такие же, как у Дзюнсэя Тэрасавы. Пазл сложился у меня в голове лишь тогда, когда я встретил одного из них, придя на вторую церемонию. Он представился как Тимур Махаматов. Оказалось, тоже студент и даже сосед — учится через дорогу, на другой стороне улицы Герцена (сейчас Большая Никитская), в Институте стран Азии и Африки при МГУ. Тогда и еще в течение нескольких лет он почти каждый день обходил с барабаном центр города. В отсутствие Тэрасавы-сэнсэя он был моим наставником по этой «уличной практике», когда и у меня появился такой же барабан. Но все это будет намного позже.

А весной 1993-го я был еще во власти стереотипа, что барабанят на улице «кришнаиты», которых надо обходить стороной. Вспомнил, что видел их и раньше, в декабре 1992 года, ударявшими в барабаны на выходе из метро «Библиотека имени Ленина», прямо напротив Кремля. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что это те же самые люди, вместе с которыми я стал теперь проводить церемонии на улице Ротерта. Но я уже был настроен на обучение — и мои стереотипы таяли один за другим.

Сидение напротив Кремля в 1992-м, как объяснил Тэрасава-сэнсэй, было молитвой о том, чтобы Россия, находившая тогда на перепутье из-за правительственного кризиса, не погрузилась в хаос и не погибли люди. Хаос и гибель, к сожалению, случились осенью 1993-го, но все же хочется верить, что та молитва отсрочила их приближение, а возможно, и смягчила их последствия.

Я стал чаще приходить улицу Ротерта. Каждый раз это было для меня праздником. А в мае Сэнсэй предложил мне съездить вместе с ним в Петербург на празднование Дня рождения Будды. Набралась внушительная компания из его учеников и просто друзей. Поездку большинства из нас оплатил Учитель. В отличие от многих буддийских «лекторов», он никогда не брал ни с кого денег ни за одну церемонию, ни за одну свою проповедь. Конечно, он с благодарностью принимал любое подношение, но в те времена мы, пять минут назад «бедные советские люди», предпочитали больше брать у «богатого японца», чем давать ему, а Учитель никому не отказывал, следуя «дане» — первой заповеди буддизма, которая гласит, что путь к

Просветлению лежит через даяние... Лишь позже я узнал, в какой нищете он жил все свои двадцать монашеских лет сначала в Индии, а потом в Англии. Только относительно недавно его стали поддерживать богатые последователи в Японии, и практически все их пожертвования Тэрасавасэнсэй тратил на свои поездки в бывший СССР — и на нас...

В Петербурге я впервые побывал в дацане — единственном буддийском храме в этнически не буддийской части России, построенном в 1913 году как резиденция далай-ламы: царская Россия тогда установила дипломатические отношения с Тибетом. После революции в храме чего только не было, и только в конце 80-х — начале 90-х в нем возобновились службы.

Бурятские ламы в питерском дацане с большим почтением принимали Тэрасаву-сэнсэя. В северной столице он также снимал квартиру — Место Пути. Там мы и остановились.

На Месте Пути постоянно жил Стас Овшинов — монах из Калмыкии, принявший посвящение у Дзюнсэя Тэрасавы. Он любил поговорить о кочевых народах, особенно о том, что у них, в отличие от кавказцев, плохо растёт борода. Мы с ним подружились. Через несколько лет он, к сожалению, куда-то исчез.

Мне надо было уехать из Питера раньше, и на прощание Тэрасава-сэнсэй неожиданно вручил мне барабан. Я уже имел представление об «уличной практике» с барабаном, и однажды даже участвовал в ней вместе с Сэнсэем и несколькими его учениками, среди которых были и Сергей, и Тимур, и Стас. Мне тогда дали барабан на время практики, и я ударял в него невпопад.

И вот Учитель дарит его мне!

Чтобы было понятно, что такое эта «уличная практика», сделаю небольшое отступление. Вообще практиковать для монахов ордена Ниппондзан Мёходзи означает идти пешком, ударяя в барабан, не говорить, не объяснять, что такое буддизм, но только произносить молитву за мир: «Наму-Мё-Хо-Рэн-Гэ-Кё» (именно ее мы и поем на церемониях). А также — размышлять о том, что сказано в «Библии» половины буддистов — Лотосовой сутре, и следовать в особенности словам из главы 20-й Лотосовой сутры, о Бодхисаттве Никогда Не Презирающем, который всегда почитает людей и поклоняется им, думая о каждом человеке, что, каким бы он ни был в данный момент, в будущем он обязательно обретет наивысшее совершенство — станет

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru